

МАКСИМ
ГОРЬКИЙ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

М Горький

Максим Горький

Убийцы

«Public Domain»

1926

Горький М.

Убийцы / М. Горький — «Public Domain», 1926

«Преступность – возрастает; убийства становятся всё более часты, совершаются хладнокровнее и приобретают странный, вычурный характер...»

Максим Горький

Убийцы

Преступность – возрастает; убийства становятся всё более часты, совершаются хладнокровнее и приобретают странный, вычурный характер.

В современных убийствах наблюдается что-то надуманное, показное; как будто убийцы видят себя спортсменами, стремятся установить фантастические рекорды холодной жестокости; если один разрезает труп убитого на шесть кусков, то другой режет его на двенадцать.

Нет сомнения в том, что развитию преступности в сильной степени способствуют газеты, навязчиво и ярко расписывая, раскрашивая убийства и тем создавая из убийцы – героя, из преступления – подвиг. Обнаруживая острый интерес к преступнику и полное равнодушие к его жертве, газеты больше всего говорят о ловкости убийцы, о его хитрости и смелости.

На той же медной трубе сенсации играют и господа авторы так называемых «детективных» романов, которые правильнее именовать дефективными романами.

Этим двум влияниям успешно помогает кинематограф: воспроизводя на экране картины преступлений, он возбуждает зоологические эмоции одних людей, развращает воображение других и, наконец притупляет у третьих чувство отвращения к фактам преступности. Всё это делается для того только, чтоб развлечь людей, которым живётся скучно.

Вполне допустимо, что кинематограф увеличивает и даже углубляет серую скуку жизни тех людей, которые, как барабаны, пусты внутри и звучат, лишь получив удар извне. И несомненно, что возрастает количество людей, желающих быть замеченными.

Я склонен думать, что для многих преступление становится путём к славе, а для некоторых даже развлечением простым, легко доступным и поощряемым потому, что можно поощрять и порицанием, если к порицанию присоединить удивление.

А простота, – да что же может быть проще и глупее убийства человеком человека в наши дни, после того, как на полях Франции уничтожены – чего ради? – миллионы европейцев, ценнейших людей нашей планеты?

Если идиот разрежет ближнего на куски и пожрёт его, об идиоте целый месяц будут говорить и писать как о человеке исключительном, замечательном, но о том, что хирург Оппель трижды, приёмом массажа сердца, воскрешал людей, умерших на операционном столе, об этом не знают и не пишут.

В этом противопоставлении извращений социального быта чудесам науки скрыта тема огромной важности. Непонятно, почему до сей поры ни один из честных европейских умов не развернул эту тему во всей её широте и глубине?

Этот ум мог бы осветить и уничтожить одно из роковых недоразумений современности; он показал бы, как тяжело и уродливо ложится на всё то, что мы называем «культурой», мрачная и тревожная тень естественного недовольства цивилизацией.

Убийцы всегда вызывали у меня ощущение воплощённой глупости. И как бы чисто ни был одет убийца, он всегда возбуждает подозрение в его физической чистоплотности.

Первый убийца, встреченный мною, жил в Казани, на окраине города, в Задней Мокрой улице; его звали – Назар. Старик шестидесяти семи лет, высокий, сутулый, с большим, плоским лицом, в огромной белой бороде, с широким раздавленным носом и длинными, до коленных чашек, руками, он отдалённо напоминал обезьяну, но голубые, жиденькие глазки его светились детски ясно, и в языке, в словах было что-то детское, шепелявое, мягкое.

В молодости он был пастухом и уличён в скотоложстве; над ним издевались и особенно сильно – семья его дяди. В день апостолов Петра и Павла он вырезал всю эту семью отточенным обломком косы; дядю:

- Не позволяй смеяться! брата и жену его:
- Не смейтесь! племянницу свою, девяти лет:
- Чтобы молчала! и батрака-рабочего:
- Просто, под руку попал.

Так он сам рассказывал мне и приятелю моему – студенту Грейману; рассказывал, улыбаясь улыбкой человека, который вспоминает самое крупное и удачное дело своей жизни. За это дело он был бит кнутом и получил двадцать лет каторги; бежал из рудника, через три месяца добровольно вернулся на работы, снова был наказан кнутом и ему «набавили срок».

- Начальники жалели меня за простоту души, – говорил он.

За «хорошее поведение» ему дважды уменьшали кару, но в общем он работал двадцать три года, затем долго жил в Сибири поселенцем. В Казани он собирал тряпки, кости, старое железо и, продавая это, зарабатывал 25–40 копеек в день. Питался только чаем и пшеничным хлебом; хлеба съедал по три, по четыре фунта в день, чай пил трижды в сутки, нестерпимо горячий и каждый раз стаканов по десяти. По субботам парился в бане до обмороков.

Хромал, болела правая нога. Задирая штанину, показывал Грейману синюю опухоль на колене и просил:

- Ну-ка, чёрненький, погляди, чего она?

Грейман, юрист, брезгливо морщился, говорил, что он – не доктор, старик настаивал:

– А ты погляди! Докторам, знахарям я не верю, а тебе – верю! Пускай ты – жид, да у тебя привычка хороша, всегда ты правду говоришь; что ни скажешь – правда!

Греймана изумлял этот человек до болезненного раздражения, почти до ужаса. Органическое отвращение еврея к убийству и крови отталкивало его от Назара, а юношеское наше стремление «понять человека» влекло нас к старику. Мы спрашивали:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.